

■ ■ ■ Проблематизация феномена социального благополучия

Капралова Е.А.

Истринское информгентство, Истра, Российская Федерация.

Аннотация. В статье дается обзор исследований по теме проблематизации социального благополучия. Автором выделяются подходы к обоснованию определения феномена в разных отраслях знаний на базе исторического метода исследований. Предлагается использование междисциплинарного подхода на базе дивергентного видения феномена. Данный подход видится наиболее релевантным для рефлексии и определения феномена социального благополучия в современном контексте социально-экономического развития общества. Важным исследовательским аспектом является лингвистический и семантический анализ тех форм, которые используются для смыслового выражения феномена. Концептуализация действительности индивидом происходит с помощью языка и языковых правил, свойственных тем или иным обществам. Автором делается вывод о нетождественности феномена благополучия *per se* и социального благополучия. В статье также выделяются экзистенциальный и смыслообразующий аспект социального благополучия. По мнению автора, феномен социального благополучия является отражением познавательного движения индивида и общества на пути к аксиологической рефлексии социокультурного бытия индивида. На этом пути возможна постоянная трансформация и изменения в осмыслении, которые могут входить в противоречие с накопленным опытом и даже полностью его игнорировать.

Ключевые слова: социальное благополучие, междисциплинарный подход, психологическое самочувствие, дивергентный подход, самооценка, социальное ожидание, лингвоспецифичность, сознание, осмысление

Для цитирования: Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия // Коммуникология. 2022. Том 10. № 2. С.133-148. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-133-148.

Сведения об авторе: Капралова Екатерина Андреевна – заместитель директора – главного редактора государственного автономного учреждения Московской области «Истринское информгентство», аспирант кафедры ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: kapralova13@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2022. *Принята к печати:* 12.06.2022.

Словосочетание «социальное благополучие» в последние годы стало часто использоваться в научных и практических работах исследователей различных областей знания. При очевидной связи с благополучием социальное благополучие находит в языке новый смысл, логически напрямую не соотносящийся с благополучием. Эта корреляция опосредована и выражена через сложную взаимозависимость индивида, социальных групп и социума, которые, в свою очередь, по-разному проживают рефлексию феномена социального благополучия. Изуче-

ние этого феномена имеет значительный интерес для социально-гуманитарного знания, что продиктовано тенденциями в современном глобализирующемся обществе: усложнение социально-культурных связей, появление новых видов взаимодействий и потребностей (виртуально-игровые пространства) и прочее.

Анализ философских и научных концепций позволяет выделить круг идей, понятий и проблем, вместе составляющих концептуальное ядро понятия социального благополучия. Именно это ядро мы возьмём за основу для выработки определения, используя практику междисциплинарного подхода. Социальный смысл феномена присутствовал и в более ранних обществах (до XX века), однако как самостоятельный объект изучения появился лишь с появлением теоретической базы экономической системы социального государства. До этой вехи исследовались другие понятия, которые онтологически понимались как сходные. Речевые обороты в бытовых социальных практиках и лингвистические коннотации в работах исследователей привели к отождествлению благополучия *per se* (как такового) и социального благополучия. Однако при изменении метода исследования мы можем прийти к другим выводам.

Материал и методы исследования. Некоторые исследователи, не меняя оптики анализа, используют исторический метод не только для ретроспективного анализа, но и для проблематизации социального благополучия. Так, в рамках трудов по предмету нашего исследования можно выделить следующие работы:

1. Исследовательские работы зарубежных авторов Э. Динера [Diener] и группы его последователей, а также работы С. Любомирски [Lyubomirsky] и М. Чиксентмихайи [Csikszentmihalyi] с идеями так называемого «потoka», концептуальные работы в области государственной экономики и социальной работы М. Тит-масса, О. Бисмарка и У. Бевериджа, Г. Эспинг-Андерсена.

2. Российские работы (не только исследовательские, но и научно-методические работы), такие как «Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие» [Власова и др.], «Современные теории социального благополучия: учебное пособие» [Гулякова и др.], «Социальное благополучие человека в современном мире. Сборник материалов международной научной школы» [Валеева], материалы Всероссийской научной конференции «Россия: путь к социальному государству» [Сулакшин и др.] и др.

В части работ определение социального благополучия не дается и заменяется историческим экскурсом в труды видных ученых. «Ученые и публицисты, использующие данное словосочетание, часто не дают строгой дефиниции, считая социальное благополучие интуитивно понятной категорией, не требующей специальных разъяснений» [Власова и др.]. Авторы утверждают, что «социальное благополучие является системой взаимосвязанных элементов», не приводя четкого определения. В одной из работ социальное благополучие является смыслообразующим фактором деятельности социального государства, о чем пишет

С.Г. Анисимова. При этом определения социальному благополучию снова не дается [Анисимова: 758]. Эта логика также продиктована двумя причинами:

Первая – использование исторического метода анализа. Ретроспективное осмысление смежных понятий заменяется полноправным анализом социального благополучия. Вторая – в своих работах авторы отождествляют социальное благополучие и благополучие *per se*. Что снимает необходимость определения социального благополучия как такового. Исторический метод заставляет опираться на уже изученные и озвученные идеи о благополучии, которые постулируются далее неотъемлемыми частями того социального благополучия, которое в современном обществе должно быть понятно «интуитивно». Например, Р.В. Евстифеев после анализа развития феномена социального государства в силу борьбы политических классов делает вывод о завоевании благополучия обществами Европы по причине накоплений после захватов других территории, что в чем-то выводит социальное благополучие не из необходимости рыночных реформ, а из военных завоеваний [Евстифеев: 213].

Однако подобный вывод нужно уточнить. В этом случае следует говорить о регистрации понятия социального благополучия – это произошло во второй половине XX века вместе с развитием концепции социального государства. Именно проблематизации понятия посвящено большинство современных работ, связанных с социальным благополучием. Это, в свою очередь, ведет к узкому пониманию предмета: в большинстве материалов в современном научно-публицистическом пространстве социальное благополучие рассматривается как практическое понятие из области социальной работы. Например, в работе под руководством Билаловой Л.М. особенности социального благополучия раскрываются через понятия социальной безопасности, социальной сплоченности, социального здоровья и формируются в том числе на основе проблемы инклюзии (инклюзия – важное понятие для теоретической и практической социальной работы, означает широкую адаптацию лиц с ограниченными возможностями здоровья в социальную среду) [Билалова и др.]. То же видим и в работе Хрусталева Ю.М. [Хрусталева: 890].

Или же социальное благополучие (*social wellbeing*) используется как часть концепции государства всеобщего благосостояния (*welfare state*). Так, социальное благополучие включено как социально-экономический показатель для нескольких классификаций государств (в основном в Европе): концепция Титмасса, концепция Бисмарка и Бевериджа, концепция Эспинг-Андерсена и некоторые другие.

Результаты исследования. Современный этап развития общества характеризуется переходом к новым социальным практикам (информационная эпоха, постиндустриализм, виртуально-цифровая реальность и т. д.). Это время становления нового этапа научной мысли – на смену классической, а затем неклассической науке пришла постнеклассическая наука с междисциплинарным подходом. Это делает необходимым изменение оптики нашего исследования – важнейшие концепции из различных отраслей знаний мы будем рассматривать

с позиции дивергентного подхода для рефлексии значимых теоретических наработок, которые релевантны теме социального благополучия. Дивергентный метод подразумевает использование различных компонентов анализа и поиска, что способствует рефлексии вопроса в разных направлениях мышления. В отличие от конвергентного мышления, который направлен на поиск одного, оптимального пути мышления для поиска ответа на вопрос или решения, дивергентный метод допускает неопределенность имеющихся данных для начала анализа.

Дивергентный подход (на основе междисциплинарного рассмотрения феномена, то есть с привлечением характерных для отдельных отраслей знаний методов познания и категориального аппарата) позволит рассмотреть ключевые философские измерения и проблемы, в частности, социального благополучия. Ниже мы рассмотрим основные теоретические концепции из разных отраслей знаний с учетом специфических методов тех или иных отраслей науки, которые имеют непосредственное отношение к проблематизации феномена социального благополучия.

Методология, которую используют Н. Брэдбурн, В. Вилсон и Э. Динер, построена на методах школы гуманистической психологии, где главный предмет изучения – потребности и мотивы поведения человека. В их работах понятие социального благополучия (*wellbeing; subjunctive wellbeing*) рассматривается как «позитивное состояние индивидуума, при котором характерен высокий уровень реализации потребностей и личных возможностей, удовлетворённость жизнью, социальным статусом и условиями бытия, ощущение уверенности в своих силах, позитивное настроение и хорошее психологическое самочувствие» [Diener 1984]. Это определение выражает научный подход психологии к рефлексии социального благополучия.

Однако это определение скорее близко к тому явлению, которое принято называть «поток» и которое анализирует М. Чиксентмихайи. Исследователь фокусируется на состоянии индивида и его самоощущениях, не уделяя должного внимания «социальной» части феномена. Поток (*the flow*) – это состояние, который индивид испытывает во время вдохновения и незабываемого опыта, который он хочет повторить еще и еще, даже если это потребует существенных дополнительных затрат (эмоциональных, физических и т. д.) [Csikszentmihalyi 1990].

С точки зрения теоретических моделей исследователей-социологов (от О. Конта и до П.А. Сорокина), социальное благополучие – это прежде всего удовлетворённость личности своим социальным статусом и актуальным состоянием общества, к которому она принадлежит. Это также удовлетворённость межличностными связями и статусом в микросоциальном окружении, чувство общности. Но в узком социологическом смысле это явление приближается по смыслу к социальной защищённости или социальной заботе (*social care*), о чем пишут исследователи социальной работы [Macdonald: 118]. В то же время именно методология социологии помогает раскрыть показатели удовлетворенности общества поведением личности. Социальное благополучие в данном случае ста-

новится более широким показателем, чем определение социального здоровья, которое понимается как отражение отношения общества к человеку. Это отношение формируется через стремление вступать или выходить из различных социальных структур.

Таким образом, в рамках объективистского направления социологических исследований социальное благополучие рассматривается как результат идеального устройства общества, основанного на согласованном функционировании всех его подсистем, консенсусе, альтруизме, позитивизме, солидарности, всеобщей реализации общественных норм и ценностей, равенстве. В таком же направлении дано определение и у Билаловой Л.М.: «Социальное благополучие – это объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания» [Билалова и др.: 6]. Однако субъективистский подход дает другую трактовку понимания социального благополучия. В объективистской психологии социальное благополучие рассматривается как объективное явление. В субъективистской – это субъективное отношение индивида к тому, как он живет. В этом же духе дается определение и у Костиной: «Социальное благополучие человека – это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности и отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность» [Костина].

Это определение в первой своей части перекликается с определением, которое дается Э. Динером: «Субъективное благополучие определяется как когнитивные и эмоциональные оценки человеком своей жизни» [Diener et al., 2002]. Разница только во второй части, которая связывает благополучие с обществом и выводит у Костиной направление социальной политики, а точнее ту ее часть, которая отвечает за социальную защищенность. Эту дилемму возможно частично осмыслить на основе признания факта полипарадигмальности социального знания, что приводит к парадоксальному синтезу теорий и практик социального знания, которые могут быть противоположными друг другу.

С точки зрения экономических концепций социальное благополучие в этих рамках рассматривается как «состояние общественного бытия, основанное на согласованности моральных принципов, идеалов, ценностей, целей и смыслов отдельных индивидов для достижения определенных материальных благ» [Сидорина: 80-82]. Важная роль в рамках этого направления отводится таким принципам совместной жизни людей как солидарность, альтруизм, социальная ответственность. Однако инструментарий экономических наук увязывает переход масштаба социальных практик – с личности на общество (и даже множества обществ). Можно ли отождествлять социальное благополучие человека и социальное благополучие общества?

В работе под руководством Билаловой этот переход описан следующим образом: «Социальное благополучие личности в значительной мере опирается

на социальное благополучие общества, но не сводится к нему. Большую значимость для него имеет субъективная оценка человеком своего благосостояния и удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью не всегда напрямую связана с зажиточной жизнью» [Билалова и др.]. Авторы связывают одно социальное благополучие (человека) с другим (общества) через субъективную оценку и самооценку.

Подобный вывод делается и во многих зарубежных работах. С. Любомирски пишет: «благополучие представляется важной целью не только потому, что счастье «доставляет удовольствие», но также потому что приносит ощутимые выгоды людям, а также их друзьям, семьям и сообществам и обществу в целом» [Lyubomirsky 2011: 201]. Этот вывод спорный – в рефлексии социального благополучия человека индивид всё ещё воспринимается как субъект, однако развитие этого феномена в социальное благополучие общества скорее указывает на социум как на субъект, а индивид логически становится объектом.

В этом объектно-субъектном изменении проявляется важная трансформация феномена. Вывод о том, что социальное благополучие человека иерархически и логически связано с социальным благополучием общества выстраивается на базе историко-логического повествования и социальной практики управления обществом в исторической перспективе. Но эта трансформация глубже, чем может показать исторический анализ.

Трансформация феномена социального благополучия видна в целях и ценностях, которые не могут быть полностью тождественны у общества и индивида. Задачи управления обществом подразумевают правила и ограничения. Историческая динамика (конфликты, войны) вынуждает их менять, часто снижая уровень благополучия индивидов. Но достигается другая цель – приемлемый уровень социального благополучия общества, а именно: бесконфликтное сосуществование индивидов и их групп при условии удовлетворения необходимых (для общества) потребностей.

Социальное благополучие индивида в этом случае не имеет четкой корреляции с социальным благополучием общества. Можно привести множество примеров, когда человек оценивает себя социально благополучным в социально неблагоприятном обществе. Причины этого лежат в области внутренней саморефлексии, которая позволяет удовлетворять потребности человека даже в ситуации кризиса в социуме. Атомизация индивида в условиях динамических исторических изменений также дает примеры нетождественности социального благополучия для общества и для человека. Замечая, что социальное благополучие может быть разным для разных институтов (личности, групп, общества), мы тем не менее считаем, что имеем дело с одним и тем же феноменом, трансформирующимся в разные социальные явления.

Феномен социального благополучия, как уже было сказано, через языковые формы находит воплощение в разных социальных практиках в силу объективных причин – необходимости осмыслить процесс удовлетворения многогранных

потребностей индивида в различных общественных условиях. Это релевантно и к условиям отдельного индивида, и к группе индивидов, и к сложно-иерархическому обществу. При этом в каждом случае будут по-разному проявляться субъектно-объектные отношения, динамика личностно-групповых целей и т. д. Таким образом, можно говорить о выражении феномена в тех или иных явлениях.

Таким образом, определение, данное Билаловой («Социальное благополучие – это объективное общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания») скорее соответствует такому явлению, как социальное благополучие группы людей. Определение, данное Костиной («Социальное благополучие человека – это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности и отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность») по своей сути суммирует определение двух явлений – социального благополучия индивида и социального благополучия общества. В работах Н. Брэдбурна, В. Вилсона (как и в целом в работах гуманистического направления) дается детализация определения явления социального благополучия индивида.

В определениях, которые дают представители субъективистской психологии (прежде всего Э. Динера) также прослеживается стремление измерить факторы благополучия, что в свою очередь значительно влияет на процесс понимания феномена: если нельзя измерить, то нельзя и обозначить, то есть дать определение: «по мере проведения измерений и другой работы наиболее полезными с научной точки зрения будут концепции, которые можно измерить и показать в рамках теоретической основы связь с другими факторами» [Diener, 1984]. Однако стремление найти определение только лишь на основе количественных подходов ограничивает исследователя в инструментах познания.

Для Динера логично строить определение исходя из дальнейшей цели создать научный инструмент измерения, что в итоге и было сделано: Динер предложил подход на основе расчета по показателю удовлетворённости жизни (Satisfaction of Life Scale (SWLS)) [Diener 1984], чуть позже Уотсон (Watson) разработал методику на основе позитивных и негативных аффектов (Positive and Negative Affect Schedule (PANAS)) [Watson et al.]. Выделение расчетного элемента в социальном благополучии сводит к некоторому упрощению изучения самого феномена, что мы можем отметить на фоне увеличения работ по данной теме. Об этом можно судить по появлению отдельных регулярных научных журналов, например, *International Journal of Wellbeing* и *Journal of Happiness Studies*. Далее на этой основе дается более детальное рассмотрение элементов социального благополучия: рассматривается, какие именно части оказывают больше влияние.

Во всех определениях социального благополучия индивида просматривается субъективный характер явления. В определениях же социального благополучия групп людей и общества выделяется его объективный базис. Индивид осмыс-

ливает себя самого в обществе через призму существующих исторических правил и параметров, то есть в конкретном социальном времени. Однако в любой момент исторического развития общества и в любой момент бытия человека в социальном времени существует зависимость индивида от собственной оценки себя и роли общества в своей жизни. Самооценка (на нее указывает Костина, Динер, Брэдбурн) – это элемент феномена социального благополучия, который выражает субъективную часть явления социального благополучия. Однако она влияет на человека в комплексе с социальным ожиданием, которое усиливается с развитием самого общества и усложнением общественных отношений. Билалова в своем определении связывает субъективную и объективную часть явлений с помощью социального ожидания как важного элемента перехода от личности к обществу. Общественные отношения формируют новые институты, например государство или углубление различий между социальными ролями, которые присущи индивиду в тот или иной исторический момент. Эти динамично развивающиеся формы бытия становятся факторами формирования культурных ценностей индивида, его моральных ориентиров.

Другим важным фактором картины мира для индивида будет являться родной язык. С помощью языка человек передает смысл понятий, ощущений и т. д. Концептуализация действительности индивидом происходит с помощью языка и языковых правил, свойственных тем или иным обществам. В каждом языке есть своя логика построения слов, начиная от выстраивания предлогов, заканчивая принципами соединения слов в сложные термины (например, говоря о жалости, можно сказать «из жалости» или «от жалости» – в разных контекстах это будет звучать по-разному, раскрывая причинно-следственную связь в контексте ситуации; таким образом, просто выбирая предлог в русском языке, человек выстраивает логику причинности в своем построении предложения [Зализняк и др.]). И важно не то, что человек говорит, а что при этом в конкретной языковой картине мира подразумевается.

Такие исследователи языковых систем, как В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, придерживались мнения, что разные языковые системы носят разные взгляды на жизнь и разные перспективы. Таким образом, все сложные абстрактные смыслы, выраженные через слова, являются лингвоспецифичными. Иными словами, понятие, рожденное в языковой картине мира (одного языка), не может быть полностью переведено в понятия, используемые в другой языковой картине мира (другого языка). Это значит, что и понятие социального благополучия невозможно полностью интерпретировать, а главное – нельзя говорить о феномене социального благополучия, равно воспринимаемом и равно уясненным в разных языковых системах.

Продолжая мысль о невозможности полного перевода смыслов в разных языковых системах, А. Вежбицкая пишет: «Поэтому правильно поставленный вопрос должен звучать не как “Может ли смысл переводиться с одного языка на другой?”, а как “В какой мере он может переводиться?”». И далее она делает заключение

с уточнением по английскому языку, из которого сейчас приходят большинство современных терминов. «Следовало бы, например, задуматься над тем, существуют ли в действительности смыслы, которые во всех языках мира могут выражаться отдельными словами (или, быть может, отдельными морфемами). Есть ли, скажем, в английском языке такие слова, которые бы имели точные смысловые эквиваленты во всех языках и которые по этой причине можно было бы рассматривать как «ярлыки» для обозначения врожденных и универсальных человеческих понятий?» [Wierzbicka: 5].

Исследователи языковых картин мира и национальных особенностей семантических систем долгое время пытаются найти те простые и чёткие слова-смыслы, которые способны передавать смыслы-концепты из одного языка в другой. Некоторые пытались исходить из очевидности смысловых эквивалентов, которые окружают всех людей: например, природные явления (дождь, земля) или части организма человека. Такой гипотезы, например, придерживался М. Сводеш, утверждавший, что универсальность человеческих смысловых концептов детерминирована универсальными элементами среды обитания [Swadesh]. Однако даже такой подход современными учеными-лингвистами используется лишь отчасти и многими не поддерживается. С критикой подхода выступает, например, А. Вежицкая. Хотя еще раньше о невозможности нахождения универсальных смысловых форм в языках писал Вильгельм фон Гумбольт. Он приводил пример: «Когда, например, в санскрите слона иногда называют дважды пьющим, иногда двузубым, а иногда еще и снабженным рукою, разные понятия получают разное языковое обозначение, при том, что каждый раз имеется в виду один и тот же объект» [Leitzmann: 34].

То есть даже глубокий анализ феномена социального благополучия с разделением на понятные простые слова-смыслы не даст возможности перенести общий смысл из, например, английского языка в русский (и наоборот). Логично предположить, что и социально-экономическая практика, которая, например, формируется в США и которую описывают английскими терминами, вырванными из англо-американской языковой картины, не может быть полностью понятна в других языковых системах. Это приводит нас к выводу о том, что феномен социального благополучия будет находить разное национальное проявление – в зависимости от языковой картины мира того или иного общества и индивида.

С учетом сказанных ограничений и специфических особенностей социальное благополучие (как феномен) можно определить следующим образом. Это состояние общественного бытия индивида, основанное на субъективной самооценке и оценке окружающего мира и на согласованности моральных принципов, идеалов, ценностей, целей индивида, позволяющее индивиду оценить приемлемость для него его собственного уровня жизни и способность реализовать собственный потенциал и гражданскую позицию в той или иной языковой картине мира.

Однако и эта сформулированная нами дефиниция не отражает всей полноты осмысления феномена и проблематизацию социального благополучия, по-

сколькo недостаточно раскрывает противоречие, которое кроется в дихотомии субъектно-объектных отношений, взаимовлияния общества и человека. Также это определение не учитывает экзистенциальную рефлексию, проделанную обществом (и индивидом) в кризисные этапы существования социума и индивида в XX веке (и не только), а также феномен осознанности.

Осознанность (не как понятие психологическое, а как философское явление) – это выражение действия по познанию мира и себя как части мира. Осознанность как результат внутреннего изменения индивида является важнейшей детерминантой социального благополучия человека. В русском языке само это слово отражает глубинный смысл. Человек, живущий осознанно, живет *со знанием*. Речь идет именно о знании, а не о информации. Знание даёт внутреннюю силу, которая помогает индивиду в его каждодневном бытии не совершать ошибки и выбирать верные решения.

Рассмотрим проблему осознанности в лингвистических областях других языков. За основу возьмем высказывание Р. Декарта «Мыслю, значит существую» (*Cogito ergo sum*). Инфинитив этого глагола *cogitare* используется Р. Декартом для отображения любого рефлексивного акта сознания индивида. Данное понятие было переосмыслено Э. Гуссерлем, а также Ж.-П. Сартром. Последний вывел его суть как «самосознательного единства опыта человека на основе идеи до-рефлексивного *cogito* как «закона жизни сознания» неперемногого спутника всех человеческих состояний, решений и актов. В дальнейшем феномен *cogito* (прежде всего на основе размышлений Декарта) развил М. Хайдеггер, переходя от «мышления» и «сознания» к «представлению». В этом случае индивид в процессе сознания участвует не только как объект, но как субъект, наблюдающий как бы со стороны за своим актом мысли [Хайдеггер: 55].

В английском языке осознанность семантически восходит к другим корневым основам. Чаще всего используются три понятия: *mindfulness*, *awareness* и *consciousness*. Второе и третье слова ближе к психологическим терминам, описывающим внимательность к деталям происходящего вокруг человека здесь и сейчас. Первое понятие очень близко по своему определению к русскому переводу и описывает понятие как наполненность знанием. Само слово *mind* происходит от древнеанглийского *minde*, а оно от – слова *gemynd*, что означает «память», «разум» и является родственным древневерхненемецкому *gimunt*, что означает «память». В современном немецком осознанность переводится как *Achtsamkeit*, что указывает на корневую близость к слову «внимательность». Французский эквивалент слова осознанность – *conscience*. Эта лингвистическая конструкция встречается и в английском варианте (куда из французского языка и ассимилировала), и она близка по своему смысловому наполнению русскому варианту конструкции. С латинского *conscientia* переводится как совместное знание, где *scientia* – это и есть знание.

Таким образом, мы видим, что русский язык не только в слове «благополучие», но и в словах «осознанность» и «сознание» указывает на глубокие смысло-

вые корни изучаемых феноменов. Язык является не только инструментом изучения феномена, но и инструментом его формирования. Это замечание заставляет нас задуматься о будущей динамике феномена и способе его осмысления при, например, массовой англификации понятий как в научной среде, так и на бытовом уровне.

Как мы отметили выше, феномен социального благополучия связан с самооценкой, социальным ожиданием, динамической дихотомией субъектно-объектных отношений общества и индивида. В плоскости этих понятий феномен социального благополучия выражает акт познания индивидом мира и самого себя, иными словами, активное бытие *со знанием*. Феномен социального благополучия в обществе уже существует как мысли и действия людей. Культура, историческое наследие и бытовое восприятие формируют рамки феномена для индивида, в силу которых он начинает процесс познания феномена для себя самого. Часто это происходит бессознательно и человек не различает тонкостей между такими феноменами, как счастье, благо и социальное благополучие. Но процесс познания происходит непрерывно, и индивид постоянно участвует в создании своего собственного представления о благах, которое можно назвать осмыслением феномена социального благополучия.

Осмысление – еще один важный элемент, влияющий на феномен социального благополучия. Осмысление – это активное действие, в ходе которого человек придает свой смысл происходящему во внешнем и во внутреннем мире. Этот смысл может быть продиктован ценностями и убеждениями человека, его знаниями (или отсутствием знаний).

Добавляя описанные нами выше элементы, сформулируем определение: социальное благополучие – это феномен, отображающий уровень осознанности индивидом самого себя в его социальном развитии и осмысления его собственного бытия на основе взаимодействия с социумом и самим собой в той или иной языковой картине мира.

Разберём характеристики социального благополучия как феномена на основе этого подхода в определении.

1. Феномен социального благополучия отражает аксиологическое осмысление социальной действительности на основе существующих норм (в историческом развитии социума). Это относится как к индивидам, соблюдающим социальные правила, так и к индивидам, не оправдывающим социальные ожидания. Разница будет лишь в параметрах осознанности и приятия социальных норм.

2. Наполнение внутреннего мира индивида смыслами проходит через этап формирования (осмысления) и трансформации (осознанность) жизненной цели. Целеполагание как осмысленное действие – результат рефлексии индивидом феномена социального благополучия (вне зависимости от социальных наклонностей и темперамента индивида).

3. Дихотомия субъектно-объектных отношений между индивидом и социумом порождает ещё одну характеристику феномена социального благополучия – ком-

муникативный базис. Социальное благополучие – это постоянно изменяющееся осмысление, результат коммуникации индивида и социума по гармонизации потребностей, целей и возможностей всех участников развития социума.

Проделанный анализ некоторых аспектов социального благополучия как социально-культурного феномена заставляет обратиться к ряду следующих вопросов, которые мы поставим в духе экзистенциального подхода. Может ли человек осмыслить свое благополучие, имея опыт лишь позитивно влияющих факторов и целей (задач), которые он хотел бы достичь в своем благополучии? Возможно ли достижение благополучия без практического опыта деструктивных моментов? Опыт переживания экзистенциальных кризисов трансформирует феномен социального благополучия или же феномен является объективно существующим отражением осознанного существования человека в социуме? Экзистенциальные кризисы стали причиной смыслообразующих поисков в социальной реальности. Это выразилось в появлении новых смыслов. Отсюда и усложнение рефлексии уже привычных феноменов, в том числе счастья, социального благополучия. Можно ли в критических ситуациях индивиду задумываться о благополучии, если он сталкивается с вопросами жизни и смерти? Часть исследователей (например, Франкл [Франкл]) отвечают утвердительно.

Экзистенциальный и смыслообразующий аспект социального благополучия как феномена в жизни подталкивает нас к целому пласту вопросов, важнейший из которых следующий. Предположим, что современное общество лишилось бы того деструктивного исторического опыта, о котором мы писали выше. Была бы рефлексия социального благополучия такой, какой нам она видится сейчас? На основании осмысления, проделанного в ходе нашего исследования, вывод достаточно очевиден – нет. То есть общество и индивид воспринимали бы социальное благополучие иначе. Смысл, который общество выражало бы в своих научных изысканиях и бытовых реалиях, был бы другим.

Выводы. Проведенный обзор исследований по теме проблематизации социального благополучия позволяет сделать следующие выводы:

1. Общество в целом и каждый индивид по отдельности постоянно переосмысливают вопросы счастья, блага, благополучия. В современном обществе отдельным важным феноменом является социальное благополучие, семантически близкое к феномену благополучия, но воспринимаемому как отдельная самостоятельная социальная практика. Будучи рефлексией понятных для каждого явлений, феномен выражается в условиях осмысления культурной и языковой специфики каждого общества. Поэтому термины, описывающие социальное благополучие, лингвоспецифичны и не могут быть полностью перенесены из одной языковой картины мира в другую;

2. Концептуализация феномена социального благополучия выходит за рамки отдельных специфических отраслей знаний и не может быть описана только терминами и методами психологии или социологии, где существует тенденция ото-

ждествлять этот феномен с явлениями социальной защиты, социального здоровья или личного психологического благополучия;

3. В общественной жизни можно выявить выражения этого феномена в разных проявлениях: социальное благополучие общества, группы или индивида. Феномен социального благополучия является отражением познавательного движения индивида и общества на пути к аксиологической рефлексии социокультурного бытия индивида. На этом пути возможна постоянная трансформация и изменения в осмыслении, которые могут входить в противоречие с накопленным опытом и даже полностью его игнорировать.

Источники

Анисимова С.Г. (2008). Социальная политика в республике Саха (Якутия) // Россия: путь к социальному государству: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт.

Евстифеев Р.В. (2008). Социальное государство versus государство социального благополучия? Политические аспекты социального мира // Россия: путь к социальному государству: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (2012). Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур.

Костина Е.Ю. (2015). Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // UNIVERSUM: Общественные науки. № 6 [эл. ресурс]: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23650947_30822884.pdf.

Россия: путь к социальному государству: материалы Всероссийской научной конференции: материалы конференций (2008) / Ред.: Сулакшин С.С., Пак Н.К., Зачесова Ю.А., Вилисов М.В., Орлов И.Б., Колесник И.Ю. М.: Научный эксперт.

Сидорина Т.Ю. (2018). Государство всеобщего благосостояния. СПб.: Нестор-История.

Современные теории социального благополучия (2015) / Гулякова Л.Г., Гайдай И.В., Говорухина Г.В., Григорьев С.И., Калмыкова О.А., Лига М.Б., Миронова С.В., Субботина Н.Д., Трофимова Р.А. М.: Русайнс.

Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие (2017) / А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева; Яросл. Гос. Ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ.

Современные теории социального благополучия: учебное пособие (2016) / Билалова Л.М., Гареева З.К., Иванова О.М., Черникова Т.А. – М.: Издательский дом Академии естествознания.

Социальное благополучие человека в современном мире: сборник материалов Международной научной школы (2014) / Под ред. Н.Ш. Валеевой. Казань: КНИТУ, 2014.

Франкл В. (2019). Сказать жизни: «ДА!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Нон-Фикшн.

Хайдеггер М. (1993). Время и бытие (статьи и выступления) / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика.

Хрусталев Ю.М. (2008). Биоэтика – философия сбережения здоровья нации // Россия: путь к социальному государству: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт.

Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I., eds. (2006). A Life worth living: contributions to positive psychology. Positive Psychology. Oxford, UK: Oxford University Press.

Csikszentmihalyi M. (1990). Flow: The psychology of optimal experience. Harper & Row.

Csikszentmihalyi M., Hunter J. (2003). Happiness in everyday life: The uses of experience sampling. *Journal of Happiness Studies*. No. 4 (2). P. 185-199.

Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542.

- Diener E., Diener, M. (2009). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 69. P. 851-864.
- Diener E., Emmons A., Larsen J., Griffin S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*. No. 49. P. 71-75.
- Leitzmann A., ed. (1903–1936). Wilhelm von Humboldts Werke. Berlin: B. Behr.
- Lyubomirsky S. (2001). Why are some people happier than others? The role of cognitive and motivational processes in well-being. *American Psychologist*. No. 56. P. 239-249.
- Lyubomirsky S. (2011). Hedonic Adaptation to Positive and Negative Experiences. In: The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping. Oxford University Press.
- Macdonald G. (2000). Social care: rhetoric and reality. In: H. Davies, S. Nutley, P. Smith, eds. What works. Evidence-based policy and practice in public service. The Policy Press. University of Bristol.
- Swadesh M. (1955). Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating. *International Journal of American Linguistics*. Vol. 21. No. 2. P. 121-137.
- Watson D., Clark L., Tellegen A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 6. P. 1063-1070.
- Wierzbicka A. (1992). Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press.

■ ■ ■ Problematization of the Phenomenon of Social Wellbeing

Kapralova E.A.

Istra News Agency, Istra, Russia.

Abstract. The article provides an review of problematization of social wellbeing. The author highlights the approaches to substantiating the definition of a phenomenon in various branches of knowledge based on the historical method and proposes to apply an interdisciplinary approach based on a divergent vision of the phenomenon as be the most relevant in the modern context of the socio-economic development of society. An important research aspect is the linguistic and semantic analysis of those forms that are used for the semantic expression of the phenomenon. The conceptualization of reality by an individual takes place with the help of the language and linguistic rules that are characteristic of certain societies. At the same time, the author outlines the difference between that the phenomena of wellbeing per se and social wellbeing. The paper also highlights the existential and meaning-forming aspect of social wellbeing. According to the author, the phenomenon of social wellbeing is a reflection of the cognitive movement of the individual and society on the way to the axiological reflection of the socio-cultural being of the individual. Herewith, constant transformation and changes in comprehension are possible, which may conflict with the accumulated experience or even ignore it.

Keywords: social wellbeing, interdisciplinary approach, psychological wellbeing, divergent approach, selfesteem, social expectation, linguistic specificity, consciousness, comprehension

For citation: Kapralova E.A. (2022). Problematization of the phenomenon of social wellbeing. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 2. P. 133-148. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-133-148.

Inf. about the author: Kapralova Ekaterina Andreevna – deputy director – editor in chief of the State Moscow-region Istra News Agency, doctoral student of UNESCO department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 84. E-mail: kapralova13@yandex.ru.

Received: 22.02.2022. *Accepted:* 12.06.2022.

References

- Anisimova S.G. (2008). Social policy in the Republic of Sakha (Yakutia). In: Russia: the path to a social state: materials of the All-Russian Scientific Conference. M.: Scientific expert (In Rus.).
- Bilalova L.M., Gareeva Z.K., Ivanova O.M., Chernikova T.A., eds. (2016). Modern theories of social well-being: textbook. M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences (In Rus.).
- Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I., eds. (2006). A Life worth living: contributions to positive psychology. Positive Psychology. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Csikszentmihalyi M. (1990). Flow: The psychology of optimal experience. Harper & Row.
- Csikszentmihalyi M., Hunter J. (2003). Happiness in everyday life: The uses of experience sampling. *Journal of Happiness Studies*. No. 4 (2). P. 185-199.
- Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542.
- Diener E., Diener, M. (2009). Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 69. P. 851-864.
- Diener E., Emmons A., Larsen J., Griffin S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*. No. 49. P. 71-75.
- Evstifeev R.V. (2008). A welfare state versus a welfare state? Political aspects of the social world. In: Russia: the path to a social state: materials of the All-Russian Scientific Conference. M.: Scientific expert (In Rus.).
- Frankl W. (2019). Nevertheless Saying “YES!” to Life (transl.). Moscow: Alpina Non-Fiction (In Rus.).
- Guslyakova L.G. et al., eds. (2015). Modern theories of social well-being M.: Rusajns.
- Heidegger M. (1993). Time and being (articles and speeches) / Per. with him. V.V. Bibikhin. M.: Republic (In Rus.).
- Khrustalev Y.M. (2008). Bioethics – the philosophy of saving the health of the nation. In: Russia: the path to a social state: materials of the All-Russian Scientific Conference. M.: Scientific expert (In Rus.).
- Kostina E.Y. (2015). Social well-being and social security in the context of the globalization of modern society. *UNIVERSUM: Social sciences*. No. 6 [el. source]: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23650947_30822884.pdf (In Rus.).
- Leitzmann A., ed. (1903–1936). Wilhelm von Humboldts Werke. Berlin: B. Behr.
- Lyubomirsky S. (2001). Why are some people happier than others? The role of cognitive and motivational processes in well-being. *American Psychologist*. No. 56. P. 239-249.
- Lyubomirsky S. (2011). Hedonic Adaptation to Positive and Negative Experiences. In: The Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping. Oxford University Press.
- Macdonald G. (2000). Social care: rhetoric and reality. In: H. Davies, S. Nutley, P. Smith, eds. What works. Evidence-based policy and practice in public service. The Policy Press. University of Bristol.
- Sidorina T.Y. (2018). Welfare state. St. Petersburg: Nestor-History (In Rus.).
- Sulakshin S.S. et al., eds. (2008). Russia: the path to a social state: materials of the All-Russian Scientific Conference. M.: Scientific expert (In Rus.).
- Swadesh M. (1955). Towards Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating. *International Journal of American Linguistics*. Vol. 21. No. 2. P. 121-137.
- Valeeva N.S., ed. (2014). Social well-being of a person in the modern world: a collection of materials from the International Scientific School. Kazan: KNRTU (In Rus.).

Vlasova A.A., Dvornikova E.V., Koshelev A.V., eds. (2017). Modern theories of social well-being: educational and methodological manual. Yaroslavl: YarGU (In Rus.).

Watson D., Clark L., Tellegen A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54. No. 6. P. 1063-1070.

Wierzbicka A. (1992). Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford: Oxford University Press.

Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2012). Constants and variables of the Russian language picture of the world. M.: Languages of Slavic cultures (In Rus.).